

Толстой Лев Николаевич

Воскресение

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Воскресение / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. –
522 с.

ISBN 978-5-519-77155-9

ISBN 978-5-519-77155-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Матѣ. Гл. 18. Ст. 21. Тогда Петръ приступилъ къ Нему и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ? **22.** Иисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ.

Матѣ. Гл. 7. Ст. 3. И что ты смотриши на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревно въ твоемъ глазѣ не чувствуешь?

Іоаннъ. Гл. 8. Ст. 7. ... кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень.

Лука. Гл. 6. Ст. 40. Ученикъ не бываетъ выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будетъ всякій, какъ учитель его.

I.

Какъ ни старались люди, собравшись въ одно небольшое мѣсто нѣсколько сотъ тысячъ, изуродовать ту землю, на которой они жались, какъ ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, какъ ни счищали всякую пробивающуюся травку, какъ ни дымили каменнымъ углемъ и нефтью, какъ ни обрѣзывали деревья и ни выгоняли всѣхъ животныхъ и птицъ, весна была весною, даже и въ городѣ. Солнце грѣло, трава, оживая, росла и зеленѣла вездѣ, гдѣ только не соскребли ее, не только на газонахъ бульваровъ, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкіе и пахучіе листья, липы надували лопавшіяся почки; галки, воробьи и голуби по весеннему радостно готовили уже гнѣзда, и мухи жужжали у стѣнъ, пригрѣтыя солнцемъ.

Веселы были и растенія, и птицы, и насѣкомыя, и дѣти. Но люди—большіе, взрослые люди не переставали обманывать и мучить себя и другъ друга. Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта красота міра Божія, данная для блага всѣхъ существъ,—красота, располагающая къ миру, согласію и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать другъ надъ другомъ.

Такъ въ конторѣ губернской тюрьмы считалось священнымъ и важнымъ не то, что всѣмъ животнымъ и людямъ даны умиленіе и радость весны, а считалось священнымъ и важнымъ то, что наканунѣ получена была за номеромъ, съ печатью и заголовкомъ бумага о томъ, чтобы къ 9-ти часамъ утра были доставлены въ нынѣшній день, 28-го апрѣля, три содержащіеся въ тюрьмѣ подслѣдственные арестанта—двѣ женщины и одинъ мужчина. Одна изъ этихъ женщинъ, какъ самая важная преступница, должна была быть доставлена отдѣльно. И вотъ, на основаніи этого предписанія, 28-го апрѣля въ темный вонючій коридоръ женскаго отдѣленія, въ 8 часовъ утра, вошелъ старшій надзиратель. Вслѣдъ за нимъ вошла въ коридоръ женщина съ измученнымъ лицомъ и въючимися сѣдыми волосами, одѣтая въ кофту съ рукавами обшитыми галунами и подпоясанная поясомъ съ синимъ кантомъ. Это была надзирательница.

— Вамъ Маслову?—спросила она, подходя съ дежурнымъ надзирателемъ къ одной изъ дверей камеръ, отворявшихся въ коридоръ.

Надзиратель, гремя желѣзомъ, отперъ замокъ и, растворивъ дверь камеры, изъ которой хлынулъ еще болѣе вонючій, чѣмъ въ коридорѣ, воздухъ, крикнулъ:

— Маслова, въ судъ!—и опять притворилъ дверь, дожидаясь.

Даже на тюремномъ дворѣ былъ свѣжій, живительный

воздухъ полей, принесенный вѣтромъ въ городъ. Но въ коридорѣ былъ удручающій воздухъ, пропитанный запахомъ дегтя и гнили, который тотчасъ же приводилъ въ уныніе и грусть всякаго, вновь приходившаго человѣка. Это испытала на себѣ, несмотря на привычку къ дурному воздуху, пришедшая со двора надзирательница. Она вдругъ, входя въ коридоръ, почувствовала усталость, и ей захотѣлось спать.

Въ камерѣ слышна была суетня: женскіе голоса и шаги босыхъ ногъ.

— Живѣе, что-ль, поворачивайся тамъ, Маслова, говорю!—крикнулъ старшій надзиратель въ дверь камеры.

Минуты черезъ двѣ, бодрымъ шагомъ изъ двери вышла, быстро перевернувшись и стала подлѣ надзирателя невысокая и очень полногрудая молодая женщина въ сѣромъ халатѣ, надѣтомъ на бѣлую кофту и на бѣлую юбку. На ногахъ женщины были полотняные чулки, на чулкахъ—острожные коты, голова была повязана бѣлой косынкой, изъ-подъ которой, очевидно, умышленно были выпущены колечки вьющихся черныхъ волосъ. Все лицо женщины было той особенной бѣлизны, которая бываетъ на лицахъ людей, проводившихъ долгое время взаперти, и которая напоминаетъ ростки картофеля въ подвалѣ. Такія же были и небольшія широкія руки, и бѣлая, полная шея, виднѣвшаяся изъ-за большого воротника халата. Въ лицѣ этомъ поражали, особенно на матовой блѣдности лица, очень черные, блестящіе, нѣсколько подпухшіе, но очень оживленные глаза, изъ которыхъ одинъ косилъ немного. Она держалась очень прямо, выставляя полную грудь. Выйдя въ коридоръ, она, немного закинувъ голову, посмотрѣла прямо въ глаза надзирателю и остановилась въ готовности исполнить все то, что отъ нея потребуютъ. Надзиратель хотѣлъ уже запереть дверь, когда оттуда высунулось блѣдное, строгое, морщинистое лицо просто-

волосой сѣдой старухи. Старуха начала что-то говорить Масловой. Но надзиратель надавилъ дверь на голову старухи, и голова исчезла. Въ камерѣ захохоталъ женскій голосъ. Маслова тоже улыбнулась и повернулась къ зарѣшетенному маленькому оконцу въ двери. Старуха съ той стороны прильнула къ оконцу и хриплымъ голосомъ проговорила:

— Пуще всего лишняго не высказывай, стой на одномъ и шабашъ.

— Да ужъ одно бы что, хуже не будетъ, — сказала Маслова.

— Извѣстно одно, а не два, — сказалъ старшій надзиратель съ начальственной увѣренностью въ собственномъ остроуміи. — За мной, маршъ!

Видѣвшійся въ оконцѣ глазъ старухи исчезъ, а Маслова вышла на середину коридора и быстрыми мелкими шагами пошла вслѣдъ за старшимъ надзирателемъ. Они спустились внизъ по каменной лѣстницѣ, прошли мимо еще болѣе, чѣмъ женскія, мужскихъ вонючихъ и шумныхъ камеръ, изъ которыхъ ихъ вездѣ провожали глаза въ оконцахъ дверей, и вошли въ контору, гдѣ уже стояли два конвойныхъ солдата съ ружьями. Сидѣвшій тамъ писарь далъ одному изъ солдатъ пропитанную табачнымъ дымомъ бумагу и, указавъ на арестантку, сказалъ: «Прими». Солдатъ, — нижегородскій мужикъ, съ краснымъ, изрытымъ оспою лицомъ, — положилъ бумагу за обшлагъ рукава шинели и, улыбаясь, подмигнулъ товарищу, широкоскулому чувашину, на арестантку. Солдаты съ арестанткой спустились съ лѣстницы и пошли къ главному выходу.

Въ двери главнаго выхода отворилась калитка, и, переступивъ черезъ порогъ калитки на дворъ, солдаты съ арестанткой вышли изъ ограды и пошли городомъ посерединѣ мощеныхъ улицъ.

Извозчики, лавочники, кухарки, рабочіе, чиновники останавливались и съ любопытствомъ оглядывали арестантку; нѣые покачивали головами и думали: «вотъ, до чего доводитъ дурное, не такое, какъ наше, поведеніе». Дѣти съ ужасомъ смотрѣли на разбойницу, успокаиваясь только тѣмъ, что за ней идутъ солдаты и она теперь ничего уже не сдѣлаетъ. Одинъ деревенскій мужикъ, продавшій уголь и напившись чаю въ трактирѣ, подошелъ къ ней, перекрестился и подаль ей копейку. Арестантка покраснѣла, наклонила голову и что-то проговорила.

Чувствуя направленные на себя взгляды, она незамѣтно, не поворачивая головы, косилась на тѣхъ, кто смотрѣлъ на нее, и это обращенное на нее вниманіе веселило ее. Веселилъ ее тоже чистый, сравнительно съ острогомъ, весенній воздухъ, но больно было ступать по камнямъ отвыкшими отъ ходьбы и обутыми въ неуклюжіе арестантскіе коты ногами, и она смотрѣла себѣ подъ ноги и старалась ступать какъ можно легче. Проходя мимо мучной лавки, передъ которой ходили, перекачиваясь, ни-кѣмъ не обижаемые, голуби, арестантка чуть не задѣла ногою одного сизяка; голубъ вспорхнулъ и, трепеща крыльями, пролетѣлъ мимо самаго уха арестантки, обдавъ ее вѣтромъ. Она улыбнулась, и потомъ тяжело вздохнула, вспомнивъ свое положеніе.

II.

Исторія арестантки Масловой была очень обыкновенная исторія. Маслова была дочь незамужней дворовой женщины, жившей при своей матери скотницей въ деревнѣ у барышень-помѣщицъ. Незамужняя женщина эта рожала каждый годъ, и, какъ это обыкновенно дѣлается по деревнямъ, ребенка крестили, и потомъ мать не кормила нежеланно появившагося, ненужнаго и мѣшавшаго работѣ ребенка, и онъ скоро умиралъ отъ голода.

Такъ умерло пять дѣтей. Всѣхъ ихъ крестили, потому не кормили, и они умирали. Шестой ребенокъ, прижитый отъ проѣзжаго цыгана, была дѣвочка, и участь ея была бы та же, но случилось такъ, что одна изъ двухъ старыхъ барышень зашла въ скотную, чтобы сдѣлать выговоръ скотницамъ за сливки, пахнувшія коровой. Въ скотной лежала родильница съ прекраснымъ здоровымъ младенцемъ. Старая барышня сдѣлала выговоръ и за сливки, и за то, что пустили родившую женщину въ скотную, и хотѣла уже уходить, какъ, увидавъ ребеночка, умилилась надъ нимъ и вызвалась быть его крестной матерью. Она и окрестила дѣвочку, а потомъ, жалѣя свою крестницу, давала молока и денегъ матери, и дѣвочка осталась жива. Старыя барышни такъ и называли ее «спасенной».

Ребенку было три года, когда мать ея заболѣла и умерла. Бабка-скотница тяготилась внучкой, и тогда старыя барышни взяли дѣвочку къ себѣ. Черноглазая дѣвочка вышла необыкновенно живая и миленкая, и старыя барышни утѣшались ею.

Старыхъ барышень было двѣ: меньшая, подобрѣе—Софья Ивановна, она-то и крестила дѣвочку, и старшая, построже—Марья Ивановна. Софья Ивановна наряжала, учила дѣвочку читать и хотѣла сдѣлать изъ нея воспитанницу. Марья Ивановна говорила, что изъ дѣвочки надо сдѣлать работницу, хорошую горничную, и потому была требовательна, наказывала и даже бивала дѣвочку, когда бывала не въ духѣ. Такъ между двухъ вліяній изъ дѣвочки, когда она выросла, вышла полу-горничная, полу-воспитанница. Ее и звали такъ среднимъ именемъ—не Катька и не Катенька, а Катюша. Она шила, убирала комнаты, чистила мѣломъ образа, жарила, молола и подавала кофе, дѣлала мелкія постирушечки и иногда сидѣла съ барышнями и читала имъ.

За нее сватались, но она ни за кого не хотѣла идти,

чувствуя, что жизнь ея съ тѣми трудовыми людьми, которые сватались за нее, будетъ трудна ей, избалованной сладостью господской жизни.

Такъ жила она до 16-ти лѣтъ. Когда же ей. минуло 16 лѣтъ, къ ея барышнямъ пріѣхалъ племянникъ ихъ, студентъ богатый, и Катюша, не смѣя ни ему, ни даже себѣ признаться въ этомъ, влюбилась въ него. Потомъ черезъ два года этотъ самый племянникъ заѣхалъ къ тетускамъ по дорогѣ на войну, пробылъ у нихъ четыре дня, увлекъ и обманулъ Катюшу и, сунувъ ей въ послѣдній день сторублевую бумажку, уѣхалъ.

Съ тѣхъ поръ ей все стало постыло, и она только думала о томъ, какъ бы ей избавиться отъ того стыда, который ожидалъ ее, и стала не только неохотно и дурно служить барышнямъ, но,—она сама не знала, какъ это случилось,—вдругъ ее прорвало. Она наговорила барышнямъ грубостей, въ которыхъ сама потомъ раскаивалась, и попросила расчета.

И барышни, очень недовольныя ею, отпустили ее. Отъ нихъ она поступила горничной къ становому, но могла прожить тамъ только три мѣсяца, потому что становой, 50-лѣтній старикъ, сталъ приставать къ ней, и одинъ разъ, когда онъ сталъ особенно предпримчивъ, она вскипѣла, назвала его дуракомъ и старымъ чортомъ, и такъ толкнула въ грудь, что онъ упалъ. Ее прогнали за грубость. Поступать на мѣсто было не къ чему, скоро надо было родить, и она поселилась у деревенской вдовы-повитухи, торговавшей виномъ. Роды были легкіе. Но повитуха, принимавшая на деревнѣ у больной женщины, заразила Катюшу родильной горячкой, и ребенка, мальчика, отправили въ воспитательный домъ, гдѣ ребенокъ, какъ рассказывала возившая его старуха, тотчасъ же по пріѣздѣ умеръ.

Всѣхъ денегъ у Катюши, когда она поселилась у повитухи, было 127 рублей: 27 — зажитыхъ и 100 рублей,

которые дать ей ея соблазнитель. Когда же она вышла отъ нея, у нея осталось 6 рублей. Она не умѣла беречь деньги, и на себя тратила, и давала всѣмъ, кто просилъ. Повитуха взяла у нея за прожитіе—за кормъ и за чай—за два мѣсяца 40 рублей, 25 рублей пошли за отправку ребенка, 40 рублей повитуха выпросила себѣ взаймы на корову, рублей 20 разошлись такъ — на платья, на гостинцы, такъ что, когда Катюша выздоровѣла, денегъ у нея не было и надо было искать мѣста. Мѣсто нашлось у лѣсничаго. Лѣсничій былъ женатый человѣкъ, но точно такъ же, какъ и становой, съ перваго же дня началъ приставать къ ней. Жена узнала и, заставъ разъ мужа одного въ комнатѣ съ Катюшей, бросилась бить ее. Катюша не далась, и произошла драка, вслѣдствіе которой ее выгнали изъ дома, не заплативъ зажитого. Тогда Катюша поѣхала въ городъ и остановилась тамъ у тетки. Мужъ тетки былъ переплетчикъ и прежде жилъ хорошо, а теперь растерялъ всѣхъ давальщиковъ и пьянствовалъ, пропивая все, что ему попадало подъ руку.

Тетка же держала маленькое прачечное заведеніе и этимъ кормилась съ дѣтьми и поддерживала пропадаго мужа. Она предложила Масловой поступить къ ней въ прачки. Но, глядя на ту тяжелую жизнь, которую вели женщины, прачки, жившія у тетки, Маслова медлила и отыскивала въ конторахъ мѣсто въ прислуги. И мѣсто нашлось у барыни, жившей съ двумя сыновьями-гимназистами. Черезъ недѣлю послѣ ея поступленія, старшій, усатый, 6-го класса гимназистъ бросилъ учиться и не давалъ покою Масловой. Мать обвинила во всемъ Маслову и разочла ее. Новаго мѣста не выходило, но случилось такъ, что, придя въ контору, поставляющую прислугу, Маслова встрѣтила тамъ барыню въ перстняхъ и браслетахъ на пухлыхъ голыхъ рукахъ. Барыня эта, узнавъ про положеніе Масловой, ищущей мѣста, дала ей свой адресъ

и пригласила къ себѣ. Маслова пошла къ ней. Барыня ласково приняла ее, угостила пирожками и сладкимъ виномъ и послала куда-то свою горничную съ запиской. Вечеромъ въ комнату вошелъ высокій человѣкъ съ длинными сѣдѣющими волосами и сѣдой бородой; старикъ этотъ тотчасъ же подсѣлъ къ Масловой и сталъ шутить съ нею. Хозяйка вызвала его въ другую комнату, и Маслова слышала, какъ хозяйка говорила: свѣженькая, деревенская. Потомъ хозяйка вызвала Маслову и сказала, что это писатель, у котораго денегъ очень много и который ничего не пожалѣетъ, если она ему понравится. Она понравилась, и писатель далъ ей 25 рублей, общая часто видаться съ нею. Деньги вышли очень скоро на уплату зажитого у тетки и на новое платье, шляпку и ленты. Черезъ нѣсколько дней писатель прислалъ за нею въ другой разъ. Она пошла. Онъ далъ ей еще 25 рублей и предложилъ переѣхать въ отдѣльную квартиру.

Живя на квартирѣ, нанятой писателемъ, Маслова полюбила веселаго приказчика, жившаго на томъ же дворѣ. Она сама объявила объ этомъ писателю и перешла на отдѣльную маленькую квартиру. Приказчикъ же, обѣщавшій жениться, ничего не сказавъ ей и, очевидно, бросивъ ее, уѣхалъ въ Нижній, и Маслова осталась одна. Она хотѣла-было жить одна на квартирѣ, но ей не позволили. Тогда она пошла опять къ теткѣ. Тетка, видя на ней модное платье, накидку и шляпу, съ уваженіемъ приняла ее и уже не смѣла предлагать ей поступить въ прачки, считая, что она теперь стала на высшую ступень жизни. Для Масловой теперь уже не было и вопроса о томъ, поступить или не поступить въ прачки. Она съ соболѣзнованіемъ смотрѣла теперь на ту каторжную жизнь, которую вели въ первыхъ комнатахъ блѣдныя, съ худыми руками, прачки, изъ которыхъ нѣкоторые уже были чахоточныя, стирая и гладя въ 30-ти-градусномъ мыль-

номъ пару съ открытыми лѣтомъ и зимой окнами, и ужасалась мысли о томъ, что и она могла поступить въ эту каторгу.

Маслова курила уже давно, но въ послѣднее время она все больше и больше приучалась пить. Вино привлекало ее не только потому, что оно казалось ей вкуснымъ, но оно привлекало ее и больше всего потому, что давало ей возможность забывать все то тяжелое, что она пережила, и давало ей развязность и увѣренность въ своемъ достоинствѣ, которыхъ она не имѣла безъ вина. Безъ вина ей всегда было уныло и стыдно. Масловой предстоялъ выборъ: или унижительное положеніе прислуги, въ которомъ навѣрное будутъ преслѣдованія со стороны мужчинъ, или обезпеченное, спокойное, узаконенное положеніе. Кромѣ того, она этимъ думала отплатить и своему соблазнителю, и приказчику, и всѣмъ людямъ, которые ей сдѣлали зло. Притомъ же соблазняло ее и было одной изъ причинъ окончательнаго рѣшенія то, что платя она можетъ заказывать себѣ, какія только пожелаетъ—бархатныя, фаявые, шелковыя, бальныя съ открытыми плечами и руками. И когда Маслова вообразила себя въ ярко-желтомъ шелковомъ платьѣ, съ черной бархатной отдѣлкой,—декольте, она не могла устоять.

И съ тѣхъ поръ началась для Масловой та жизнь, которая ведется сотнями и сотнями тысячъ женщинъ и кончается для девяти женщинъ изъ десяти мучительными болѣзнями, преждевременной дряхлостью и смертью.

Утромъ и днемъ тяжелый сонъ послѣ оргіи ночи. Въ 3-мъ, 4-мъ часу усталое вставанье съ грязной постели, зельтерская вода съ перепоя, кофе, лѣнливое шлянье по комнатамъ въ пенюарахъ, кофтахъ, халатахъ, смотрѣніе въ окна, вялыя перебранки, потомъ душеніе тѣла, волосъ, примѣриванье платьевъ, споры изъ-за нихъ съ хозяйкой, разсматриванье себя въ зеркало, подкрашиваніе лица, бровей, сладкая жирная пища, потомъ одѣванье въ яркое